

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ШАЖИНБАТ Ариунаа

ЭТНОС КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук**

**Москва,
2015**

Работа выполнена в секторе истории антропологических учений
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии Российской академии наук

Научный консультант:

доктор философских наук,
доктор филологических наук, профессор
Гуревич Павел Семёнович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
гуманитарного факультета
Российского химико-технологического
университета им. Д.И. Менделеева
Алейник Раиса Михайловна

доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и
культурологии Калмыцкого
государственного университета
им. Б.Б. Городовикова
Бадмаев Валерий Николаевич

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общей социологии
факультета социологии
Алтайского государственного университета
Попов Евгений Александрович

Ведущая организация:

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
кафедра философской антропологии и
комплексного изучения человека

Защита диссертации состоится « 12 » апреля _____ 2016__ г. в 15-00 час. на заседании Диссертационного Совета (шифр Д.002.015.01) по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора философских наук при Институте философии Российской академии наук по адресу: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии Российской академии наук.

Автореферат разослан « _____ » _____ 201__ г.

**Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук**

Б.О. Николаичев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В последние десятилетия социальные философы столкнулись с проблемой, которая при всей своей очевидности, таила в себе новые смыслы. На пути к глобализации возникли неожиданные трудности. Многие нации и этносы обнаружили нежелание растворяться в общем потоке прогресса. Просветительская убежденность в том, что каждый человек в конечном счёте стремится стать гражданином мира, не получила подтверждения. Вопреки ожиданиям глобалистов этническая идентичность предъявила стойкость и упрямство. Признавая новые экономические реальности, этносы в то же время стремились сохранить свою идентичность в прежнем виде.

Известный постмодернист Славой Жижек усмотрел в этом процессе «диалектический парадокс». Он писал: «В том, что касается противоречия между этнической особенностью и всеобщностью, «прочная привязанность» описывает одновременно субъекта, цепляющегося за свою особую этническую идентичность, от которой он не готов отказаться ни при каких обстоятельствах, и прямым обращением к абсолютной всеобщности как к тому, что остаётся неизменной стабильной структурой во всеобщем изменении всего особенного содержания. Собственно диалектический парадокс, конечно, состоит в том, что субъект может вырваться из субстанциального содержания своей особенной этнической тотальности, только вцепившись в некое радикально случайное особенное содержание»¹.

Однако проблема, по нашему мнению, оказалась более сложной, чем её обозначил Сл. Жижек. «Патологическая» привязанность к своему этносу выявила неожиданные повороты. Оказывается, желание этносов сохранить свою идентичность вовсе не является стойкой. Напротив, выяснилось, что в ряде случаев речь вообще идёт об иллюзорной самоидентичности. Под видом непререкаемых традиций обнаружилось множество различных идентичностей. Эта тенденция совпала с феноменом, который сложился в рамках теории познания и получил название конструктивизма. Оказалось, что этносы в основном отстаивают не ядро собственной идентичности, а право на переменчивость своего жизненного контекста. Именно это и оказалось неожиданностью для социальных философов. Одно дело – тяга к традиции, зафиксированная социологами, культурологами и психологами. Иное дело, когда обнаружилось, что идентичность как феномен выражает глубокую трудно насыщаемую потребность отдельных социальных общностей к сооружению разного рода конструктов. В ответ на глобалистскую тенденцию этносы действительно отстаивают свой «особенный жизненный контекст»². Но он зачастую вообще не связан с «голосом крови», а выражает неожиданные мифологемы, которые обслуживают потребность этносов выделиться, обозначиться, предложить свой подчас парадоксальный образ.

Актуальность проблемы, как известно, не выводится напрямую из современных событий. Хронология не всегда совпадает с развёртыванием исторических смыслов. «Современной может быть эпоха, век, последние десять лет, но никак не то, что происходит сейчас и здесь. У современного есть темпоральное острие, его-то и можно назвать актуальным»³. С точки зрения современности, в наши дни происходит процесс постепенного растворения этносов. Между тем «темпоральное острие» свидетельствует об обратном. Оказавшись в плавильном котле глобализации, этносы обнаружили неодолимую и прочную тягу к новым преобразованиям идентичности. Судя по всему, эта тема является не только социальной, но и философско-антропологической. Объяснить её смысл невозможно с помощью традиционной этнологии и социальной антропологии.

Обращаясь к философско-антропологическому анализу темы этноса, мы исходили из следующих оснований:

¹ Жижек Славой. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М., 2014. С. 154.

² Там же. С. 155.

³ Подорога Валерий. Kairos, Критический момент. М., 2013. С. 16.

1. Многие философы, в том числе И. Кант, В. Гумбольдт, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросс, Н. Бердяев стремились осмыслить феномен этноса в философско-антропологическом ракурсе. Это обширный комплекс философских идей, возникших не в результате эмпирических исследований, а в процессе философского размышления. Этнологи и культурологи по существу не обращаются к этому наследию, поскольку заняты преимущественно осмысливанием конкретного эмпирического материала. Можно сослаться в качестве исключения на статью Д. Мюррея «Западная концепция «SELF»? Вспоминая Дэвида Юма»⁴. Между тем, как будет показано в диссертации, философские антропологи самостоятельно и успешно обсуждали некоторые грани феномена «этнос».

2. Вопросы, которые поставлены современной этнологией, социологией и психологией, сами по себе нуждаются в философской экспертизе. Такая задача продиктована не только потребностями комплексного исследования, но и стремлением придать по возможности обсуждаемым, нередко на уровне эмпирического исследования, проблемам большую философскую оснащённость, включив в сферу анализа те темы, которыми занимается современная философия.

3. В рамках философской антропологии особую остроту за последнее время приобрели споры о «человеческой природе». В классической философской антропологии человеческая природа трактовалась как совокупность устойчивых, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа, которые присущи человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Однако за последние годы это понятие подверглось переоценке. Исследователи всё чаще пишут о том, что никакой общей человеческой природы нет. Она меняется, преобразуется и не позволяет, по сути дела, зафиксировать себя. Эти рассуждения, естественно, находятся в одном русле с отвержением общего понятия этноса, а без него, по нашему мнению, анализ этого социального образования утрачивает свою целостность как феномена истории.

4. В научных дискуссиях конца минувшего и начала нынешнего столетия началось концептуальное переосмысление национального вопроса. Исследователи заговорили об исторической изменчивости самого понятия «нация». Обратили внимание на тот факт, что это термин наполняется часто самым разноречивым содержанием. Между модернистскими и постмодернистскими концепциями этноса пролёг серьёзный водораздел. Представители модернистских теорий либо не различают и поэтому отождествляют национальное и этническое, либо рассматривают нацию как наиболее сложную форму этнической общности в ряду цепочки – род, племя, народность, нация. В основе этноса неизменно усматривается ведущий экономический фактор. Гражданское понимание наций отвергается. Постмодернисты, напротив, недооценивают исторические детерминанты, обращают основное внимание на фиктивность, иллюзорность всяких национальных образований⁵.

Степень разработанности проблемы

Проблема этничности рассматривается в мировой литературе в разных аспектах. В современном мире эта тема приобретает особое значение, что вызвано главным образом такими процессами, как массовая миграция, когда в моноэтнические регионы постоянно вливаются разного рода переселенцы, отличающиеся по расовым, этническим, социокультурным признакам и традициям, что существенно осложняет обстановку как во всём регионе, так и в каждой из сфер общественной жизни. Феномен национальной идентичности обычно изучается в рамках этнологии и культурной антропологии. Исследователи описали различные этносы, выделяя при этом характерные особенности

⁴ Мюррей Д. Что такое западная концепция «SELF». Вспоминая Дэвида Юма // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 309-328.

⁵ См.: Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург, 2003.

данной культуры. Культурная антропология занялась изучением этих различий. В диссертации делается попытка раскрыть смысл другого подхода к этничности через постижение человеческой природы. Так делается попытка рассмотреть феномен этничности в контексте философско-антропологического знания.

Литература по проблемам этноса и этничности чрезвычайно многообразна. Нет возможности охватить весь комплекс проблем, связанных с этносом. Поток исследований в силу своей обширности, трудно поддаётся классификации. **Прежде всего**, в своей диссертационной работе мы опирались на общие исследования по философской антропологии. В российской философии эта тема анализируется в работах Р.М. Алейник, В.Н. Бадмаева, В.В. Бычкова, И.С. Вдовиной, Ф.И. Гиренка, Б.Л. Губмана, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова, К.С. Долгова, В.А. Кутырёва, В.А. Подороги, Е.А. Попова, В.И. Самохваловой, Э.Ю. Соловьёва, Э.М. Спировой и многих других⁶. **Ко второй категории** работ мы относим тексты зарубежных философов, в которых затрагиваются вопросы этноса как феномена в рамках философской антропологии (И. Кант, В. Гумбольдт, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросс), и русского мыслителя Н. Бердяева. Их произведения являются базой проведённого исследования. Анализ данных трудов позволяет выявить место феномена этноса в философско-антропологической проблематике.

К третьей категории работ следует отнести основополагающие труды Ю.В. Бромлея, фактически создавшего отечественную теорию этноса, которая отличается чёткостью и концептуальной стройностью. Категория этноса в 1960-80-х гг. получила всестороннюю разработку в трудах ведущих учёных (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, Л.Н. Гумилев). Особое место в теории этноса занимают труды Л.Н. Гумилева, который предпринял первую попытку создать комплексную междисциплинарную теорию этноса, одновременно является первым, кто стал применять системный метод в этнологии. В состав данной группы входят также труды В.П. Алексеева, В.Р. Кабо, Ю.И. Семенова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, С.М. Широкогорова. Что касается непосредственной разработки категории этничности, то она в 1900-2000-х гг. осуществлена следующей группой учёных (С.А. Арутюнов, С.Н. Артановский, Б.Е. Винер, М.Н. Губогло, Д.В. Драгунский, Л.М. Дробижина, И.Ю. Заринов, В.В. Карлов, В.И. Козлов, Е.М. Колпаков, М.В. Крюков, С.Г. Ларченко, Л.П. Лащук, А.А. Прусаускас, М.В. Рагулина, С.Е. Рыбаков, С.В. Соколовски, Н.Г. Скворцов, В.А. Тишков, Я.В. Чеснов, А.Й. Элез). Дискуссия позволила основательно рассмотреть многие аспекты темы, в том числе онтологический статус категории «этничность» (реальность / идеальность), методологию её исследования, дефиниции понятия, поиск этнической субстанции, субъективный, либо объективный характер этничности, этническую идентичность, этническую маргинальность, этническую социализацию, этническую мобилизацию. К теории этноса можно отнести ещё ряд работ (С.А. Арутюнов, М.О. Мнацакян, С.А. Кравченко и др.).

Проблема этноса не может быть осмыслена лишь в рамках одной частной предметной научной дисциплины. Её невозможно решить и опираясь только на социально-философскую теорию. У многих авторов этнос отождествляется с понятием «общество». Но в рамках такого истолкования трудно обнаружить специфику этноса как антропологического

⁶ См. такие работы, как: Алейник Р.М. Человек в философском постмодернизме. М., 2006; Вдовина И.С. Феноменология во Франции. Историко-философские очерки. М., 2009; Кутырёв В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) // Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015; Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992-1994 г. М., 2004; Подорога В.А. Kairos, или критический момент. Актуальное произведение искусства на марше. М., GRUNDRISSE, 2013; Шичанина Ю.В. Человек «иномерный»: парадоксы антропологической меры. Ростов-на-Дону, 2006; Каган М.С. Метаморфозы бытия и небытия. СПб., 2006; Хоружий С.С. Герменевтика телесности в духовных традициях и современных практиках себя. М., 2004; Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / Сост., общ. и научн. ред. С.С. Хоружего. М., 2010.

феномена. Современные теории психологии этноса (А.О. Бороноев, Ю.В. Бромлей, С.В. Лурье, Э.В. Никитина, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец и др.) направлены на развитие идей В. Вундта, Г. Лебона, связанных с психологией народов. Осваиваются также выводы З. Фрейда и К. Юнга об индивидуальном и коллективном бессознательном. Фигурирует концепция М. Мид, которая акцентирует сущность динамики в культурно-историческом процессе. Заметен также вклад в рассмотрение темы культурно-исторической школы в психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др.). К изучению проблем этнического характера приложили свои усилия те учёные, которых волновали проблемы наций и этнонациональных отношений. Здесь можно выделить исследования таких исследователей, как Р.Г. Абдулатипов, В.И. Бушков, Д.В. Микульский, Ю.В. Бромлей, Л.М. Гумилев, Л.М. Дробижева, В.И. Козлов, В.И. Рыбаков.

Четвёртая категория работ связана с термином «этничность». Исторически данное понятие появилось в западной антропологии, где его разработку, а также анализ всей этнической проблематики нашёл отражение в трудах следующих авторов: Х. Айзекса, Б. Андерсона, Ф. Барта, Р. Бурдые, М. Бэнкса, Э. Геллнера, Х. Глейзнера и Д. Мойнхина, Г. ван ден Берга, Дж. Де-Воса и Л. Романуси-Росс, К. Гирца, Д. Горовитца, В. Исаива, Дж. Комароффа, М. Мида, Ж. Деверо, Г. Стейна, Ю. Хабермаса, Радклифа-Брауна, Дж. Ротшильда, К. Леви-Стросса, Дж. МакКея, Р. Шоу и Ю. Вонга. В русскоязычной литературе это понятие долго не воспринималось вообще. Между тем как в западной науке эта категория получила основательную разработку. И лишь в 90-х гг. XX в. в России, начиная с полемической статьи С.В. Чешко «Человек и этничность» (1994), к этой теме появился интерес. Важную роль в научной разработке понятия этничности сыграла дискуссия на страницах журнала «Этническое обозрение». Этнос и этничность не исключают, а дополняют друг друга. Рассмотрение особенностей национальной самоидентификации в условиях нынешнего фазиса модернизационного процесса занимало и занимает многих ведущих философов, психологов и социологов. Заметные концепции национальной самоидентификации были предложены в трудах М. Мид, П. Рикёра, И. Амира, Д. Бар-Талая, Д.У. Берри, И.Г. Пуртинга, М.Г. Сегалю, П.Р. Дазена, И. Шарона и др. В российской литературе продуктивная разработка этого вопроса содержится в трудах С.А. Арутюнова, Ю.В. Бромлея, А.О. Бороноева, И.С. Кона, В.Н. Павленко, Т.Г. Стефаненко. В современной российской литературе, посвящённой проблеме модернизации, большое внимание уделяется проблеме этнической национальной самоидентификации. В работах А.Р. Аклаева, А.С. Ахиезера, А.А. Белика, Л.М. Дробижевой, А.Г. Здравомыслова, В.В. Ильина, А.А. Кара-Мурзы, В.В. Коротеевой, Г.У. Солдатовой, А.А. Сусоколова, Н.М. Лебедевой, С.В. Лурье, М.А. Фадеичевой и других авторов обстоятельно освещён этот процесс.

Пятая категория работ связана с анализом современных направлений в изучении этноса и этничности. В социально-философских науках сложилось три основных теоретических подхода к изучению этничности и этнической идентичности: *примордиализм, конструктивизм и инструментализм*. Анализ этих и других теоретических концепций провели в своих исследованиях такие российские учёные, как Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, С. Лурье, В.А. Тишков.

Представители примордиализма рассматривают этничность как объективную данность, своего рода изначальную (примордиальную) характеристику человечества (например, П. ван ден Берг, К. Гриц, Э. Смит, Э. Шилз и др.). Признаками принадлежности к определённой этничности могут служить территория, язык, расовый тип, религия, психический склад, мировоззрение и т.д.

Инструменталистская школа появляется в 70-х гг. прошлого века. Её главным тезисом является детерминирующая роль социальных интересов в формировании этничности (Р. Брубейкер, А. Коэн, Д. Хоровиц, К. Янг и др.). Эти авторы считают, что этничность детерминируется ситуативно.

В эти же годы оформляется ещё одна школа – конструктивизм. Основная отличительная черта данного подхода – этносы и связанные с ними иные субстанции рассматриваются как идеальные модели, конструкции, которые создаёт политическая элита для достижения каких-либо целей (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.). К конструктивистской теории относится и концепция норвежского антрополога Ф. Барта о решающей роли этнических границ в формировании и поддержании этнической идентичности, изложенные в классической работе «Этнические группы и границы». Ф. Барт и его соавторы выдвигают тезис о том, что изучение этнических границ является самым перспективным путём изучения этничности⁷. Культурное единство этнической группы, по мнению Барта, следует рассматривать не как первичную и дефиниционную её характеристику, а как результат и даже смысл её существования. То есть организационная структура этнической группы создается процессами этнического соотношения и оттеснением других. Использование этнической идентичности в социальном взаимодействии, отнесением себя и других к определённым категориям, собственно, и формирует этнические группы в их организационном качестве.

В отличие от эссенциализма и примордиализма, где понятие идентичности трактуется в прямой связи с врождёнными характеристиками единицы, которой приписывается идентичность, конструктивизм основывается на иных исходных допущениях. В рамках социологии и антропологии это теоретическое направление базируется не на онтологических, а на феноменологических основаниях. Из этого вытекают два важных следствия. Во-первых, категории, которыми оперируют исследователи, – это не прямое отражение реальности, а эпистемологические конструкты, инструменты, приемлемые для решения определённых классов задач, способные таким образом описывать и объяснять соответствующие связи людей с окружением. Во-вторых, социокультурные образования – функциональные и символические единицы, структурные связи между ними, – их устойчивость и изменчивость суть производные социальных взаимодействий и коммуникаций. Предполагается, что их существование обусловлено прагматическими и интеракционными необходимостями (П. Бергер и Т. Лукман – в социологии; Дж. Брунер, М. Коул – в антропологии; Р. Рорти – в философии). Соответственно, акцент переносится с субстанционально самотождественной, самодовлеющей «вещи» на социокультурные практики агентов и акторов, в ходе которых порождаются такого рода образования. Таким образом, представители конструктивизма толкуют национальную и этническую идентичность как сконструированную реальность, а не как объективную данность.

К шестой группе источников отнесены работы, посвящённые этнической социализации, этнической идентичности, этническому самосознанию (Э.Г. Александренков, А.О. Бороноев, И.С. Кон, Н.М. Лебедева, А.Н. Леонтьев, В.С. Малахов, С. Московичи, В.С. Мухина, Э.В. Сикевич, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец, Г.Г. Шпет, Э. Эрикссон, В.А. Ядов). Идея заключается в том, что этнос является наиболее универсальной формой жизни людей, во многом определяющей их социально-культурную ориентацию.

Анализ смысла и сути цивилизации и цивилизационных образований осуществлён в работах Н. Бердяева, С. Булгакова, К. Ясперса, Л. Моргана, Л. Фёвра, О. Шпенглера, А. Тойнби, Г. Мишо, Э. Марка, П. Бегби и современных концепциях (И. Валлерстайн, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, М. Кастельс). Сущность этноса и различные теории этногенеза разработаны в трудах Ю.В. Бромлея, С.М. Широкогорова, Л.Н. Гумилева, В.П. Алексева, В.И. Козлова, Л.П. Лашука. Этнос и этническое самосознание исследовано в работах психологов (Л.М. Дробижева, З.В. Сикевич, Г.У. Солдатова), этнопсихологов (А.А. Налчаджян, В.Ю. Хотинец и др.) и собственно в рамках этнологических трудов (С.А. Арутюнова, Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, Дж. Де Воса, В.И. Козлова, М.В. Крюкова, В.А. Тишкова, Н.Н. Чебоксарова, С.М. Широкогорова, В.А. Шнирельмана и др.).

⁷ Frederik Bart., ed., *Ethnic Groups and Boundaries*. Boston, 1969.

К седьмой группе источников относятся работы, в которых осмысливается идея этнолокальной поливариантности культур, связанных с жизнедеятельностью конкретных народов. Впервые оформившаяся как научная проблема в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1871), эта тема развивалась в исследованиях К. Леонтьева, К. Брайзига, О. Шпенглера, в известных работах А.С. Хомякова, А. Тойнби, П.А. Сорокина, а, начиная с Э.Б. Тайлора, в рамках культурно-антропологического направления, в частности, в одной из его ведущих школ в лице таких исследователей, как Ф. Боас, Р. Бенедикт, Дж. Клиффорд, А. Крёбер, М. Мид, Р. Марфи, Дж. Фрайдл, Дж. Стюард, М. Херсковиц, М. Харрис, Л. Уайт, К. Уисслер. Через раскрытие свойств и признаков этноса как детерминанты культуры исследуется этнокультурная реальность, особенности взаимосвязи этнического и культурного феноменов. Этнический тип культуры и факторы его локального и дискретного существования изучаются в рамках универсума. При этом используются естественный и субъектный подходы в исследовании культурных типов (Н.Я. Данилевский, К. Леонтьев), идеи уникальности души народа и свойственного ему стиля жизни (Г. Лебон, О. Шпенглер), принципы системологии и организмического подхода к культуре (К.Л. фон Берталанфи), плюралистической «новой диалектики» (У. Джеймс, Е. Янч, Н.Г. Абрамова и др.), теория этногенеза Л.Н. Гумилева, идеи культурного плюрализма, партикуляризма и релятивизма культурной антропологии США (Ф. Боас, А. Крёбер, Дж. Стюард, М. Харрис, М. Херсковиц, Л. Уайт и др.).

В диссертации подчёркнуто, что весь этот корпус научной литературы имеет отношение к теме «Этнос как предмет этнологии и культурной антропологии». Однако в нашей работе мы стремились проблематизировать основные современные подходы к этнической теме. Такие понятия, как этнос, нация, конструктивизм, идентичность, на наш взгляд, нуждаются в переосмыслении. Обозначенные вопросы требуют какого-то иного подхода хотя бы в силу своей парадоксальности и неожиданности. Для понимания этих процессов нужен новый исследовательский ракурс. Это и стало истоком замысла рассмотреть этнос в системе философско-антропологического знания. Такие темы, как утрата идентичности, иллюзорная самоидентичность, нацификация, ментальность, человеческая природа, плюральность разумов, которые репрезентируют разные культуры, и др., требуют свежего концептуального осмысления. Этот замысел вовсе не предполагает негативного отношения к тем результатам, которые получены в сфере этнологии, культурологии, психологии, социологии. Разумеется, социальная или культурная антропология не обходят проблемы человеческой природы. Однако не размещают это понятие философской антропологии в приоритетный ракурс.

Объектом данного диссертационного исследования является этнос как объективное и конструктивистское социальное образование. В настоящее время традиционное представление об этносе как реальном историческом феномене замещается конструктивистским взглядом на этнос как социальный и политический конструкт.

Предмет исследования – этнос в контексте философской антропологии. В данном случае речь идёт о том, как связана тема этноса и этничности с человеческой природой. Здесь ставится вопрос об исторической судьбе этноса: сохранится ли он в качестве объективной социальной общности или подвергнется самоотрицанию с учётом того факта, что в глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а стремятся к взаимному растворению.

Целью диссертационного исследования является создание философско-антропологической трактовки этноса. В соответствии с поставленной целью **задачи** можно сформулировать следующим образом:

- ввести в русло изучения этносов значительную философско-антропологическую традицию, представленную именами видных философов: Н.А. Бердяева, В. Гумбольдта, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросса и других мыслителей;
- критически сопоставить философское толкование этноса с научными разработками этнологии, социологии, психологии; провести сравнение и взаимную корректировку

основных проблем, связанных с этносом, этничностью, идентичностью и исторической судьбой современных социальных общностей;

- критически проанализировать основные течения, связанные с толкованием этноса – примордиализм, конструктивизм, инструментализм, раскрыть положительные и отрицательные стороны этих направлений;

- разработать собственную концепцию сопоставления этноса и этничности, выявив их историческую динамику;

- осуществить концептуальный анализ основных понятий, которые используются при изучении этноса;

- раскрыть смысл новых тенденций в трактовке понятия идентичности, указав на новые конфигурации этого понятия (множественность идентичностей, иллюзорная идентичность, нулевая идентичность);

- проанализировать трудности и негативные последствия процесса глобализации, указав на различные смыслоутраты и культурные упущения в ходе становления новой цивилизации;

- обозначить пути дальнейшего изучения этноса в системе философско-антропологической рефлексии.

Данное исследование является междисциплинарным: проблемы рассматриваются на стыке философии и психологии, философской антропологии и этнологии. Приступая к работе, мы полагали, что подключение философско-антропологического знания к анализу феномена этноса, возможно, радикально не изменит сложившиеся взгляды на этнические проблемы, но, безусловно, расширит горизонт исследования и обеспечит новую постановку многих проблем этнического бытия.

Методологические основания исследования

Методологические основания и связанные с ним параметры диссертационного исследования, прежде всего, определяются философской антропологией. Это направление в целом выработало собственный подход к изучению человека как особого рода сущего. В рамках философской антропологии проводится демаркация между социобиологией и культурным детерминизмом. Социобиологи ратуют за расширение сферы биологических исследований в объяснении природы человека. Суть полемики в том, в какой степени поведение человека обуславливается генетическими факторами или как соотносится культурная динамика с генетикой человека. Такое направление исследований называется генно-культурной коэволюцией. К методологическим проблемам относится вопрос о том, способны ли современные люди изменить характер своей эволюции. Методологически обосновано, что не следует рассматривать эволюцию лишь как средство сохранения вида, которая позволяет выделять только консервативные черты, то есть наследовать и сохранять всё проверенное эволюцией.

Автор диссертации обращается также к новым границам феноменологического метода, который получил название «постфеноменологии». Общей целью в данном случае оказывается радикализация феноменологического метода. В данном случае речь идёт о создании нового типа феноменологической редукции и расширении предметной области исследований. В диссертации отмечены и критически рассмотрены такие направления теории познания, как редукционизм и релятивизм. Особое внимание в методологии исследования уделяется критике научных оснований современного трансгуманизма, захваченного возможностями устранения прежних форм разумной жизни и замены их иными носителями разумности.

Научно-практическая значимость исследования

Теоретическое и практическое значение диссертации связано, прежде всего, с разработкой новых областей философско-антропологической рефлексии. Включение темы этноса в радиус философско-антропологических размышлений способствует расширению и

углублению категориального аппарата данной отрасли знаний. В свою очередь привлечение к анализу проблемы этноса многовекового опыта, связанного с философским постижением человека, расширяет и углубляет научные и философские представления об этносе и этничности. В диссертации показана различная степень устойчивости этнической и национальной идентичности.

Выводы проведенного исследования имеют немалое практическое значение для Российской Федерации, поскольку она является полиэтничным государством. Представленные рекомендации, несомненно, позволят прогнозировать и предотвращать межэтнические конфликты. Полученные выводы могут стать концептуальной основой для разработки программы национального развития России. В них также содержатся рекомендации для противостояния этнонационализму, сепаратизму, этнической агрессии и нетерпимости, ксенофобии. Вместе с тем в выводах имеются конкретные предложения, направленные на сохранение аутентичных и глубинных национальных традиций. Можно полагать, что результаты исследования представят интерес для политических элит разных этнических групп и будут содействовать урегулированию межэтнических отношений. Основные обобщения и выводы диссертации могут быть использованы и учтены в практике преподавания учебных курсов по философской антропологии, социальной философии и социальной психологии.

Апробация результатов исследования

Основные идеи диссертации были представлены в 36 научных публикациях, в том числе в 1 монографии, 35 статьях (из них 17 в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов докторских диссертаций). Результаты исследования были внедрены в практику преподавания образовательных курсов «Философия» и «Культурология» в Монгольском государственном университете.

Основные теоретические положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования докладывались и обсуждались в ходе различных научных конференций, среди которых: Межвузовская научно-практическая конференция «Культура как система» (Улан-Батор, 10-11.06.2006); Межвузовская научно-практическая конференция «История культурологических теорий» (Улан-Батор, 01.05.2008); International Buddhist Conference «East Asian Civilization and Buddhism – Buddhist Diversity and Identity» (Улан-Батор, 26-28.08.2009); VI международная научная конференция «Высшее образование для XXI века» (Москва, 19-21.11.2009); Межвузовская научно-практическая конференция «Культура и этнос» (Улан-Батор, 08.05.2010); VII международная научная конференция «Высшее образование для XXI века» (Москва, 18-20.11.2010); Научно-практическая конференция «Традиция и современность искусства» (Улан-Батор, 26.03.2012); Научно-практическая конференция «Научно-исследовательские и учебные перспективы философия в Монголии» (Улан-Батор, 11.05.2012); Women s forum of the Communities of Democracies «Strengthening Women-Strengthening Democracy» (Улан-Батор, 27-29.04.2013); International Conference «FREE WILL» in Mongolian Society (Улан-Батор, 12-13.05.2015); Научная видеоконференция «Человек как существо природное, социальное, экзистенциальное: “болевые точки” философской антропологии» (Москва-Нижний Новгород, 21.05.2015).

Научная новизна

Научная новизна темы обусловлена тем, что философско-антропологический подход к анализу этноса используется в рамках диссертационного исследования впервые. Это позволяет ставить на обсуждение следующие положения:

1. Феномен этничности обычно рассматривается в социальном, культурном или психологическом аспекте. Между тем, по мнению автора диссертации, этничность может анализироваться и как сугубо антропологическая проблема. В этом случае осмысление феномена встраивается в целостное антропологическое учение. Существует значительная философско-антропологическая традиция, раскрывающая важные признаки этноса именно

через призму человеческой природы (И. Кант, В. Гумбольдт, К. Леви-Стросс и др.). Такой подход к проблеме помогает обнаружить глубинные основания этноса. В диссертации показано, как преобразуется трактовка этноса, национального характера, национализма и других вопросов при использовании философско-антропологического подхода к теме.

2. По-новому трактуется этнокультурное разнообразие современного мира. Оно не сводится к регистрации культурных традиций. Автор диссертации настаивает на огромной роли этнических традиций, которые в современной литературе трактуются обычно как негативный фактор, мешающий социальной динамике. Доказано, что в этнокультурном разнообразии заложены тысячи способов локального опыта выживания человеческих коллективов в различных природных и исторических условиях; множество локальных технологий удовлетворения человеческих интересов и потребностей (как коллективных, так и индивидуальных); огромное количество вариантов взаимодействия между людьми, познания мира, передачи информации (языков коммуникации), трансляции социального опыта от поколения к поколению. Сохранение локального культурного разнообразия является одним из главных условий исторического выживания человека как такового.

3. Автор диссертации не ограничивается описанием многообразия культурно-исторического процесса, перечислением различий между культурами. Проблематизируется вопрос о том, как возникло это многообразие. Преодолевая ранее сложившиеся подходы к этой теме в рамках географического детерминизма или политического диктата, показана основополагающая роль вариантов стихийно складывающихся представлений о человеческой природе. Из этого феномена рождаются особенности ментальности, историчности этнической жизни. В конечном счёте благодаря этому и складывается многообразие этнической социальной практики.

4. Новизна диссертации заключается в том, что в ней прослеживается различие в подходе к феномену этноса в исследовательской традиции примордиализма и в различных конструктивистских направлениях. Автор впервые в отечественной философии показывает, что конструктивизм возник в результате совмещения культурфилософских воззрений с методами философской антропологии. Лишь при такой направленности исследований возникло убеждение, что этнос и нация в большей степени являются продуктами активности воображения, коллективного фантазирования, нежели результатом конкретной исторической практики и закрепления социально-исторических достижений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен этноса представляет собой философско-антропологическую проблему. Человеческая природа существует в многообразных вариантах. Без обращения к этой теме невозможно объяснить возникновение различных этносов, их историческую судьбу в транскультурной перспективе. В философской антропологии феномен «человеческой природы» является не эмпирическим, а абстрактным. Этнология и культурная антропология сводят человеческую природу к регистрации её конкретных черт. А поскольку такая инвентаризация по сути дела не имеет завершения, то специалисты склонны устранить философское толкование «человеческой природы» как отражение неизменных её констант. Введение в контекст этнических исследований философского определения «человеческой природы» как совокупности стойких черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа и присущих человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса, значительно расширяет и углубляет процесс этнических исследований.

2. Философское изучение этноса начинается практически в рамках философской антропологии, родоначальником которой является И. Кант. Следовательно, проблемы этноса и этнического сознания в истории гуманитарного знания рассматривались не только в культурной антропологии или этнологии. Значительное богатство оригинальных идей содержится в посткантианской истории философии. Мысли Н.А. Бердяева, В. Гумбольдта, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросса о специфике этнического сознания и его будущем

позволяют расширить горизонт осмысления данных проблем. Трактовка этноса в контексте философской антропологии позволила дать более глубокое толкование специфики этноса как социальной общности, многообразия «разумов» в мире культур, утраты этнического сознания в «квантовом мышлении» и многих других проблем.

3. Вопреки устоявшемуся в современной этнологии мнению о распаде этносов этнические образования обнаруживают поразительную стойкость. Эту прочность обеспечивает «история ментальностей». Факты истории – это факты «психологические», а не только гносеологические. Нельзя превращать историю общества в историю его сознания, пусть даже и коллективного. Чаще всего именно изменения в интеллектуальной и ментальной структуре людей оказываются стимулом к своеобразному пониманию реальности. Современные философы снова обращаются к осмыслению истории, её движущих сил и периодизации, места человека в историческом процессе. Они нередко отказываются от глобалистских, прогрессистских моделей общественного развития, кристаллизуют внимание на непосредственном переживании человеком истории. Всё чаще осознаётся, что смысл исторического прогресса проходит сквозь призму жизненного мира человека, что, в свою очередь, подводит к выводам о множественности смысловых картин прошлого. Энтузиасты глобализма полагали, что национальные амбиции растворятся в тигле мировой экономики. Однако этого не произошло. Из сокровенных архивов стали извлекать материалы, которые должны засвидетельствовать глубину тех или иных национальных истоков.

4. Исследование показывает, что в рамках этнического сознания реализуется напряжённая и разносторонняя ментальная и эмоциональная активность. В современную эпоху у многих народов возникло стремление «обозначить» себя в истории. Речь уже не идёт об истинных социальных, экономических или культурных корнях. Нации воссоздаются как актуальные фантомные образования. Их судьба и почва окружаются тайной, грёзой, романтической мечтой. Сама идея многообразия социально-исторических путей человечества содержит в себе немало продуктивных и значимых ходов мысли. Однако эти философские воззрения нередко перехватываются политиками для укрепления идеи разобщённости человечества, культивирования цивилизационных стереотипов, закрепляющих «европоцентризм», «азиоцентризм» и т.д. Вместе с тем идея открытости человеческой истории, её многовариантности несовместима с жёстким представлением о неукоснительном схождении всех культурных матриц в некую усреднённую точку, символизирующую магистральный путь развития человечества. Навязывание всем народам единого информационного цивилизационного уклада существенно обеднило бы многообразие общественной динамики, не позволило бы реализовать глубинный потенциал различных культур. Последовательно проведённая идея плюрализма истории вовсе не исключает концепции ведущей линии развития человечества, поиска всемирной истории. Но она содержит в себе возможность определённой культурной «резервации», сохранения заповедных зон, внутри которых будет развёртываться специфическое культурное творчество. Если история многовариантна, принципиально нетелеологична ни у своих истоков, ни в своём движении или возможном завершении, стало быть, вполне оправдана концепция бережного отношения к различным цивилизационным корням.

5. Идеи конструктивизма в этнических исследованиях парадоксальным образом связаны с постмодернистской концепцией «смерти конца социальности». Предполагается, что в современном мире социальность уступает место случайному процессу контактов, множеству временных связей. В результате конструкции симулякров реальность превращается в гиперреальность. Таким образом, социальное само оказывается мощным фактором хаотизации людского бытия. Связь между обществом и личностью чаще всего бывает парадоксальной. Нарастание социальной мощи реализуется как раз за счёт измельчания, обесценивания личности. Возмужание личности, в свою очередь, несёт опасность обществу, социальной организации, ослабляет её.

6. В диссертации отстаивается идея единства всех проявлений разумности. Изучение

психики животных, а затем и мышления архаических народов породило идею множественности форм разумности. Встреча же западной культуры с другими цивилизациями поставило в порядке дискуссии вопрос о множественности разумов. Исследователи заговорили о том, что европейская рациональность радикально отличается от исламской, а китайская ментальность отвергает бинарность в пользу тернарности. Историки же, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. В истории культуры представление о плюральности интеллектов возникало и в философии, и в психологии. Разумность действительно оказалась сложным и многогранным феноменом. Вместе с тем на нынешнем этапе исследований идея множества разумов является скорее метафорой, нежели теоретическим выводом. Единство разума позволяет людям осуществлять коммуникацию и даже проникать в суть иной культуры. Трудности вхождения в чужую ментальность выражают лишь сложности межкультурного общения.

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, четырёх частей, включающих в себя 16 глав, заключения и библиографического списка, содержащего 177 наименований. Текстовый объём работы – 359 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой части «ОТ ЭТНОЛОГИИ К ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ» раскрывается длительный путь постижения этноса как особого феномена от первых опытов этнологического исследования до возникновения философской антропологии.

В первой главе «Этнос и суперэтнос» отмечается, что каждый этнос выбирает собственный путь выживания. Дана характеристика концепции Э. Эриксона, который разработал несколько критериев, обозначающих различия между народами.

В гуманитарном сознании имеется множество терминов, которые используются для анализа этнических общностей. Сложилось гнездо понятий, относящихся к этническим объединениям – «племя», «народ», «народность», «нация», «этнос», «субэтнос», «суперэтнос». Всё это свидетельствует о многообразии этнических черт, особенностей, которые рельефно характеризуют разнообразные стили жизни. Каждый этнос вырабатывает собственную стратегию выживания, отражающуюся в разнообразии специфических черт культуры, самосознания, самоидентичности. Этноты могут находиться в состоянии соперничества и войны, отстаивая собственную идентичность. Однако этническая практика знает способы гармоничного и относительно спокойного сосуществования разных этносов. Такие образования называются суперэтносами. Роль мобилизующего центра в данных случаях выполняет государство. Суперэтнизм выступает основательным фактором в осуждении этноцентризма и национализма.

Во второй главе «Генезис антропологического мышления» анализируются разные типы этнического знания. Культурная антропология характеризуется как комплекс представлений о человеке как творце и носителе культуры. Человек рассматривается здесь как существо биологическое, чья природа трансформирована и определяется культурой. Культурная антропология синтезирует данные естествознания, психологии, философии и гуманитарных наук (истории, этнографии, этнологии, искусствоведения, религиоведения и др.). Однако является ли взгляд на этнос исключительной привилегией культурной антропологии? Нет ли оснований выделить ещё один подход – сугубо антропологический, через раскрытие человеческой природы? Формально рассуждая, эти два подхода идентичны. Такой взгляд на проблему хорошо обозначен в философии «новых правых» во Франции. На сегодняшний день существует множество областей антропологического знания, изучающих человека в различных сферах его жизнедеятельности. Привычными стали такие понятия, как

социальная, психологическая, экономическая, историческая, религиозная, политическая антропология и пр. «Антропологии» различаются и в зависимости от исследуемых в них тематик: антропология бывает гендерная и урбанистическая, антропология детства и изменённых состояний сознания (маргинальная), антропология мифа, кино и пр. Отмечается, что к познанию человека в культуре можно идти разными путями – как через поиск основополагающих человеческих структур к познанию культуры, так и через культурные формы к мышлению. Стало быть, существуют теории, считающие человека лишь более сложным животным, – культура тогда предстаёт как усложнённая биологическая жизнь. Такова особенность социобиологии.

В главе ставится проблема различения блоков этнического знания: культурной антропологии, этнографии и этнологии. Различные сферы антропологического знания, с точки зрения культурных антропологов, могут быть отнесены к области культурной антропологии. Предмет каждой из дисциплин, познающей человека через создаваемые им культурные формы, может быть включён в предмет культурной антропологии, ведь культура включает в себя все сферы деятельности человека.

Таким образом, антропологическое знание не является исключительной привилегией философской антропологии. До появления этого философского направления в рамках культурной и социальной антропологии были накоплены знания о человеке. Мы можем сказать, что существуют различные виды культурно-антропологического знания. Эти сведения были получены в основном с помощью эмпирических исследований. Именно поэтому они не претендовали на философскую глубину, хотя многие наблюдения имели и имеют значительную ценность. Критический взгляд на концепции социобиологов и «новых натуралистов» позволяет сделать вывод: социально-культурные факты не являются эпифеноменом, наложенным на биологическую природу человека. Это означает, что культура не трансцендентна биологии человека.

В третьей главе «Истоки философско-антропологического постижения этничности» подчёркивается: о том, что этносы существенно отличаются друг от друга, знали давно. Различия между этносами были замечены ещё в Древней Греции. Историки и философы обратили внимание на разность образа жизни конкретных племён и народностей. Этот вывод вызвал интерес к человеку, к размышлениям о том, что представляет он собою как биологическое и политическое животное. Однако прошли века, прежде чем общественная мысль стала размышлять о том, чем вызваны этнические различия. Особая роль в постановке этих проблем принадлежит социологии. Так, Ш. Монтескьё пытался разработать метод, позволяющий разобраться в социальном смысле этих различий. Дж. Вико был, судя по всему, первым европейским мыслителем, который предложил метод сравнения разных культур. Накопленный материал позволил исследователям приступить не просто к анализу жизни отдельных этносов, но выявить также особенности «национального духа», «духа народов».

Общие выводы к первой части

Культурологическое и философское постижение человека существует во множестве вариантов. Накоплен огромный эмпирический материал, отражающий разные стороны бытия этносов. К сожалению, виды антропологических знаний отличаются раздроблённостью, фрагментарностью. Они взаимодействуют между собой, но при этом часто представляют собой фиксацию отдельных подробностей и деталей. Скажем, психологическая антропология рассматривает себя и как направление внутри культурной антропологии и одновременно как междисциплинарную область исследований. Она толкует природу этносов на основе разнообразных психологических теорий. Так складывается межкультурное изучение отдельных сторон биологии, культуры, особенностей личности, душевных заболеваний. При осмыслении природы этносов представлен солидный теоретический багаж, обрётённый в результате анализа традиций, обычаев, ритуалов, мифов, присущих конкретному этносу.

Антропологические изыскания и психологические теории раскрыли важнейшие аспекты жизнедеятельности этносов. Вместе с тем они приблизились к постановке ряда философских проблем. Один из них можно сформулировать таким образом: является ли этнос объективным социальным сообществом или он, скорее, является продуктом иллюзорного сознания, своеобразным культурным конструктом? Социобиологи настаивали на том, что этнос не может быть каким-либо конструктом, поскольку его природу определяют гены. Все особенности этноса, выявленные в процессе культурологического и психологического исследования, являются рефлексом генной природы человека. Казалось, что расшифровка генома человека способна дать ответ на вопрос об огромном социальном и культурном многообразии как продукте перекомбинирования генов. Однако результаты генной расшифровки поставили учёных в тупик. Предполагалось, что человек отличается от животных тем, что у него более разветвлённая и обширная система генов. Однако выяснилось, что цепочка генов у человека мало чем отличается от геномов сорняка или червя. Возник вопрос: как объяснить едва ли не безмерное богатство этнического многообразия при такой скупости генной цепочки. Стало быть, этническое поведение нельзя свести к генам. Выражаясь языком Гегеля, можно сказать, что этносы суть потенциальное бытие. Но этот потенциал раскрывается и преобразуется под влиянием культуры.

Во второй части диссертации «ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭТНИЧНОСТИ» излагаются этнические концепции таких философов, как И. Кант, В. Гумбольдт, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросс и Н. Бердяев. **В первой главе «Этничность в трактовке И. Канта»** отмечается, что он был в европейской философии первым, кто попытался связать учение об этносе с новым блоком философского знания – философской антропологией.

Изначальная проблема, которая возникла в философской антропологии, касалась темы человеческой природы. Уже Д. Юм заговорил о возможности создания «науки о человеке». Он считал, что в огромном этническом разнообразии можно увидеть некие общие принципы человеческой природы. Когда этнологи и философы стремились раскрыть индивидуальные различия людей, они указывали либо на индивидуальный характер, либо на групповую принадлежность данных граждан. За принципом различий Юм стремился отыскать всеобщность. Однако, размышляя о внутренней самоидентичности индивида или этноса, шотландский философ впал в противоречие. Учение о единой человеческой природе не получило поддержки в его размышлениях о внутреннем единстве человеческого Я. Он постулировал психологический механизм, который объясняет фикцию самоидентичности, постоянства Я. Юм усомнился в целостности ощущаемого мира. В споре с Юмом Кант показал, что единство в мире ощущений может быть обнаружено с помощью Трансцендентного Эго. Идея трансцендентной самоидентичности у Канта имела прямое отношение к стабильности этносов, к возможности обнаружения общих черт национального бытия. Вместе с тем немецкий философ поставил вопрос о национальном характере. Он попытался охарактеризовать психологические и моральные качества европейцев, живущих в разных странах. Кант показал, что для выявления того или иного национального характера вовсе не обязательно обращаться к эмпирическим исследованиям. Существует иной путь постижения характера – аналитический или описательный, который представляет собой опыт выявления психологических и моральных качеств представителей той или иной нации. В оценке национального характера Кант предельно субъективен и автономен. Он, собственно, и не претендует на окончательность и безупречность обозначенных характеристик. Современная антропология и этнография накопила огромный эмпирический материал, по сравнению с которым наблюдения Канта кажутся поверхностными. Однако сама методология его антропологического постижения феномена этничности сохраняет свою ценность и актуальность.

Во второй главе рассматривается учение **В. Гумбольдта о сравнительной антропологии**. Он считал её новой наукой. По его убеждению, сравнительная антропология

направлена на изучение индивидуальных характеров. Однако это (в отличие от физиологической антропологии) не погоня за многочисленными различиями, а выявление отношения отдельных своеобразий к общему идеалу человечества.

Учение В. Гумбольдта об изучении индивидуальных характеров представляет собой проект сравнительной антропологии. Впервые в европейской философии ставится вопрос о сопоставлении нравов и психологических особенностей различных этносов. Речь у немецкого философа идёт не только о самой идее, но и о целой программе такого грандиозного этнического проекта. Особенность этого проекта заключалась не в сравнении отдельных этнических различий, чем занималась физиологическая антропология, а в сопоставлении этих различий с общечеловеческим идеалом. Под характерами человеческих сообществ В. Гумбольдт подразумевает этносы. Идея немецкого философа заключается в том, что невозможно понять специфику своего этноса, не проведя последовательного сравнения его с другими этносами. В. Гумбольдт оставляет открытым вопрос о том, произойдёт ли в будущем слияние этносов. Он полагает, что человеческий род должен включать в себя всё мыслимо уникальное, но обладающее свойством совместимости. По мнению В. Гумбольдта, цель проекта сравнительной антропологии заключается не только в изучении разных этносов. Другая цель состоит в развитии философских оснований этнического бытия. В. Гумбольдт высказывается о возможном разнообразии человеческой природы, отказывая этому понятию в его универсальности.

В третьей главе «Этноантропологическая концепция Ж.-Ж. Руссо» содержится критика европоцентризма в оценке этносов. Французский философ предлагает настоящую программу этнологических исследований. Руссо отказывается от философской традиции, в рамках которой изучается только внутренний мир человека, причём европейского человека. Он предлагает искать самотождественность не в ближайших образцах, а в систематической идентификации с другими народами.

Ж.-Ж. Руссо разработал своеобразную концепцию, которая относится к феноменологии этноса. Его взгляд на эту тему отличается от европоцентристской установки просветительского сознания XVIII в. Опираясь на работы этнографов, Руссо радикально переосмысливает понятие самотождественности человека. Французский мыслитель дистанцируется от концепции Декарта, которая усматривает самопостижение личности во внутренней работе «я». Руссо полагает, что представление человека о самом себе, так же как и этноса о своей сущности, невозможны без оглядки на другого человека или этнического образования. В контексте такого сравнения само понятие «я» значительно сужается, поскольку, принимая на себя образ другого, человек, в той же мере как и этнос, осознаёт относительность своих представлений. Расшифровка другого приводит к тому, что человек пытается увидеть себя в зеркале иного существа или иной культуры. Именно поэтому К. Леви-Стросс назвал Руссо основателем гуманитарных наук. Представление о сложностях самоопознавания своей и чужой культуры, изложенное Руссо, получило развитие в постмодернистской философии.

Четвёртая глава посвящена структурной антропологии К. Леви-Стросса. Изучая этнографический материал, этот исследователь изменяет сам подход к антропологическим исследованиям. Он отмечал в своих трудах, что многие этнологи, в том числе М. Мосс, Б. Малиновский, осознали, что просто разлагать и препарировать социальные факты не следует, поскольку существо этнической проблемы требует не включения в сферу такого исследования социальных очевидностей как таковых, а их осмысления и переживания людьми. Без обозначения человеческого фактора, несущего в себе момент субъективного осознания того или иного феномена, невозможно проникнуть в глубину этнологического исследования.

Впервые в российской и западной философии этничность рассматривается как антропологический феномен. Определяется место структурной антропологии в развёртывании «антропологизации» этнического исследования. Леви-Стросс считал, что этнолога в его работе должны интересовать не просто факты, подробности «слепы», если они

не пропущены через эмоциональный мир человека. Пытаясь разглядеть в эмпирической массе «специфически человеческое», Леви-Стросс преобразовал человеческую природу в бессознательное. Отсюда его утверждение, что универсальность человеческой природы заложена в его бессознательном. Следовательно, можно предполагать, что никакой общей природы человека нет. В истории сменяют друг друга разные типы людей, выражающие различные ментальные состояния.

Пятая глава «Н.А. Бердяев о национальных страстях» посвящена рассмотрению национализма и космополитизма. Русский философ характеризует национализм как идеологию культурного верховенства той или иной нации. Национальные идеи – воистину движущая сила народа по его продвижению к вершинам цивилизации, к раскрытию собственного культурного потенциала. Нация в национализме выступает как суперценность.

В современной научной и философской литературе тема национализма отошла на второй план. Между тем социальная практика свидетельствует о том, что этот феномен не исчез, он проявляется теперь в иных формах, нежели при зарождении национальных государств. Н.А. Бердяев подчёркивал, что в истории человеческой культуры можно обнаружить две тенденции – стремление к универсализму и индивидуализму.

В наши дни переход к постиндустриальному обществу вызвал возрождение национализма. Оказались значимыми такие особенности национализма, которые характеризуют общие интересы разных стран, а не только индивидуализм. Он упорно противостоит глобализму.

Общие выводы ко второй части:

До возникновения философской антропологии проблема этноса постоянно находилась в центре внимания историков, социологов, психологов и культурных антропологов. Сложилось различные виды антропологического знания, направленные на изучение отдельных этносов, быта и образа жизни, с помощью которых они реализуют стратегию выживания. Возникла даже идея найти критерии, которые позволяют обозначить особенности этносов. Родилось представление о единстве человеческой природы и невозможности охватить общим взглядом этническое многообразие.

Заслуга И. Канта заключается в том, что он, создавая философскую антропологию как особой направление, обратил внимание и на этническую проблематику. Так в философии возникла идея, которая лишь угадывалась в культурной антропологии: через обширное этническое многообразие можно выявить общие характеристики человеческой природы. Кант также прицельно возразил Юму, который усмотрел в эмпирике антропологов фикции самотождественности и, таким образом, утвердил положение о том, что отдельный человек, как и этнос, может добиться цельности своего «Я», своей внутренней, неповторимой сущности. Кант логически доказал возможность обнаружения общих черт национального бытия. Философское размышление об этносе формировалось иначе, чем эмпирическое исследование. Тем не менее, Кант отважился раскрыть особенности национальных характеров.

Эта попытка получила затем продолжение и развитие в трудах европейских философов. В. Гумбольдт пытался преодолеть сложившуюся исследовательскую практику, которая не выходила за рамки изучения собственного этноса. Он предложил программу сравнения отдельных этносов, чтобы показать общие черты и различия в формировании современных этносов. Так выглядел его грандиозный компаративный проект. Позиция В. Гумбольдта не исключала идеи многообразия человеческой природы.

Ж.-Ж. Руссо более основательно продумал концепцию человеческой природы и резко возражал против отождествления туземцев с европейцами. Он считал, что этнос не может создать адекватное представление о себе, если он не имеет в качестве сравнения другие этносы. Эта идея получит потом более детальную расшифровку в постмодернизме. Ж.-Ж. Руссо не без оснований считают прародителем гуманитарных наук. К. Леви-Стросс выдвигает идею нового, универсального гуманизма, в котором налицо психологическая готовность и теоретическая способность принять Другого путём переосмысления самого

себя. Его проект предполагает возрождение образа жизни вымирающих индейцев как некую общечеловеческую возможность.

В работах Н.А. Бердяева содержится критический анализ национализма и космополитизма. Появление нации русский мыслитель считал объективным культурно-историческим фактом. Он считал, что каждая нация имеет право завершить свою историческую судьбу. Этому мешает национализм и космополитизм. Национализм выдвигает идею превосходства и величия отдельной нации, а космополитизм, борясь против этого этнообразующего мифа, лишает нацию её законной судьбы и вырождается в отвлечённую утопию.

В третьей части диссертации «СОВРЕМЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ» дан критический философский разбор основных направлений научной трактовки этноса и этничности. **В первой главе «Этнос или этничность»** раскрывается смысл теоретических попыток ряда исследователей устранить само понятие «человеческой природы» как неправомерное. Методологически эта проблема связана также и с критическим освоением современной постмодернистской философии.

Исторические судьбы этносов рассматриваются в рамках различных научных направлений. В одном случае подчёркивается стойкость этнической специфики, неразложимость тех внутренних оснований, которые обеспечивают существование этносов. В другом случае проводится мысль о том, что сами этносы в своё время сложились в результате распада определённых социальных связей. Поэтому их историческое время истекло. Приверженцы такой позиции отвергают ценность традиции и оценивают её как обузу в общем процессе общественной динамики. В условиях массового увлечения прогрессом исчезновение этносов является лишь вопросом времени. Однако процесс глобализации натолкнулся на неожиданные трудности. Этносы не хотят растворяться в недрах общественной анонимности и обнаруживают поразительную живучесть и склонность к новым формам идентичности.

В главе обоснована мысль о том, что стремление устранить понятие человеческой природы и указать на нечёткие критерии этничности, вызваны сходными причинами. Традиция в главе трактуется как геном человеческой цивилизации, как опора идентичности. Без трактовки этого положения невозможно, на наш взгляд, определиться в противостоянии примордиализма и конструктивизма. Наша позиция, проведённая в главе, состоит в критическом разборе прогрессистских иллюзий, связанных с устранением констант человеческого существования. Накопление разного рода различий, характеризующих этническую жизнь, не располагает уже к глубинной философской рефлексии. Вновь возникает проблема поиска общих оснований человеческой природы, этнической специфики и исторической судьбы этносов.

Во второй главе «Примордиализм» даётся характеристика самого этого понятия. Оно происходит от лат. *primordialis, primordium* – существующий изначально, первобытный, примитивный, рудиментарный, т.е. относящийся к истокам. Собственно, это слово отсылает к основам этноса, к его корням. Возникает вопрос, какой этнос предпочтительнее – традиционный, изначальноный или современный сконструированный?

Для многих исследователей критика примордиализма считается оправданной, и она реализуется в духе современного прогрессизма. Они считают, что истина для примордиалистов существует в прошлом, а не в будущем. На этом основании приверженцев данного научного направления обвиняют в том, что их позиция мешает социальной динамике, служит обоснованием архаики. В главе показано, что не всякое обращение к традиции уводит исследователей от истины и создаёт предпосылки для торможения прогресса. Напротив, безоглядное доверие к инновациям зачастую приводит к утрате многих базовых ценностей, изначально присущих этносам. Кроме того, примордиализм стремится рассматривать этносы как объективные социальные образования, а не как результат

конструктивистского творчества. Вместе с тем в главе дан критический разбор двух вариантов примордиализма – социобиологического и эволюционно-исторического. Несмотря на разность подходов, им присущи общие недостатки. Эти просчёты обнаруживаются в абсолютизации дифференцированных методов исследования жизни этносов.

В настоящее время примордиалистским представлениям противостоят направления, отрицающие изначальность этнических свойств – конструктивизм и инструментализм. Эти вопросы рассмотрены в **третьей главе «Конструктивизм и инструментализм»**. Каковы философские предпосылки конструктивизма? Эта тема становится весьма значимой в философской теории познания.

Сама логика этнологических исследований привела этнологов и социологов к необходимости философского анализа феномена конструктивизма. Прежде всего, возникла потребность в герменевтическом изучении массовых этнических процессов. Наконец, конструктивисты получили подкрепление и в исторических исследованиях. Постепенно в социальной философии стало укрепляться убеждение, что этнос – это сконструированное сообщество. Оно кристаллизуется мифом, воображением. Именно поэтому поведение представителей племени или народа кажется нелогичным, немотивированным и, следовательно, «неправильным». Зачастую в качестве «собирателя» этноса выступают знаково-символические, а не биологические факторы. Причём эти мифологические комплексы могут не иметь никакой связи ни с подлинной этнической культурой, ни с подлинной этнической (национальной) культурой.

Общие выводы к третьей части

Сложное взаимодействие этноса и нации осмысливалось поначалу в ходе чисто этнологических исследований. Так, известный ныне теоретик конструктивизма Э. Геллнер пытался осмыслить процессы этнокультурной и общенациональной идентичности на базе полевых исследований. Однако вскоре стало очевидным, что истолковать переход от одной социальной формы к другой без опоры на социальную философию невозможно. Тот же Э. Геллнер попытался объяснить процесс замены аграрного общества индустриальным. Изучение феномена национализма позволило ему стать родоначальником конструктивистского подхода к судьбе этносов.

Противостояние примордиализма и конструктивизма породило целый спектр философских проблем. Первоначально конструктивизм оценивался как современный научный способ изучения национальной практики, примордиализм же трактовался как некий когнитивный архаизм, изживший себя в процессе исторического развития. Однако соотношение этих научных направлений оказалось не столь простым. Как показано в третьей части диссертации, ошибочно считать эти направления лишь стадиями в философском осознании этнического бытия. По сути дела, это два различных методологических подхода к историческому процессу. Оба они сохраняют свою значимость в современной социально-философской практике. Как надлежит оценивать общественные процессы – являются ли они результатом закономерной социокультурной эволюции или их правомерно рассматривать лишь как итог политического конструирования?

Не оспаривая методологической оснащённости конструктивизма, мы выступаем против тотальной критической оценки примордиализма, которая сложилась в этнологическом и философском знании. Этнокультурное разнообразие, как оно сформировалось в истории человечества, сохраняет тысячи вариантов локального опыта выживания племён и народностей в различных природных и социальных условиях. Оно отражает неисчислимое множество общественных навыков, способов удовлетворения человеческих потребностей и интересов. В этом контексте примордиалисты анализируют самые разнообразные способы взаимодействия между людьми, трансляции социального и культурного наследия от поколения к поколению. Сохранность локального культурного разнообразия – неоспоримый залог исторического завоевания как такового.

В третьей части диссертации рассмотрен вопрос о том, какова судьба исторически сложившихся локальных (прежде всего национальных) культур в эпоху глобализации.

Действительно ли мир утрачивает многоликость и происходит своеобразная гомогенизация мира? Хотелось бы оспорить данную точку зрения, поскольку в ответ на унифицирующую тенденцию глобализации возник своеобразный феномен этноцентризма, специфического ренессанса этносов. Этот процесс явился неожиданностью для приверженцев глобализации. Конструктивизм явился мощной заявкой на возрождение локальных сообществ и локализацию глобальных потоков. Вопреки прогнозам, этническая принадлежность не сглаживается. Этносы, как показано в диссертации, не ассимилируются и не интегрируются в глобальную «мультикультурную» среду. Однако эти процессы вовсе не характеризуют собой опасность архаизации социального развития. В этом смысле примордиализм менее всего можно считать модой на древние традиции. Это научное направление выражает глубинный запрос на серьёзное осмысление онтологических основ исторического существования.

В то же время примордиализм недостаточно учитывает возрастание субъективного фактора в истории, роль массовых идеологических процессов в современном мире. Утверждая, что этнос превращается в нацию в ходе стадийного развития общества, длительного и непрерывного процесса, примордиалисты испытывают трудности при объяснении распада социальных общностей, возникновения социальной мифологии взамен прежних духовных образований. Примордиализм не вполне удачно объясняет особенности социального развития в ту эпоху, когда ведущую роль получают нации.

Существенные просчёты содержатся и в конструктивизме. Он признаёт сохранение этнической идентичности лишь как результат идеологического конструирования. Такая тенденция нередко приводит к отрыву от реальности, к свободной фабрикации политических фантазий. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности, как показано в третьей части диссертации, невозможно без опоры на герменевтическую философию, на методологию глубинной расшифровки исторических событий.

В четвёртой части диссертации «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН» рассматривается длительная философская традиция, обращённая к этой теме. **В первой главе «Философский ракурс понятия “характер”»** проанализированы концепции И. Канта, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Э. Шпрангера. Более обстоятельно рассмотрены различные версии характера в психоаналитической традиции – классический психоанализ, неотрейдизм, индивидуальная психология, аналитическая психология. Особо выделена концепция «социального характера». В отечественной психологии характер (греч. *charakter* – особенность, отличительная черта) – определяется как совокупность общественных и индивидуально своеобразных особенностей личности, влияющих на поведение и поступки человека⁸. Такое определение представляется нам слишком общим.

На первый взгляд, все размышления о характере как феномене лишены этнической окрашенности и не имеют прямого отношения к теме. Однако феномену характера этнологическая литература уделяет огромное внимание. Ведь именно массовидные реакции людей отражают специфику того или иного этноса и его динамику. Здесь и возникает проблема «национального характера». Литература, связанная с данным вопросом, обширна. Но философский ракурс в ней, на наш взгляд, выражен слабо. Прежде чем рассуждать о национальном характере, следует, видимо, мобилизовать те философские воззрения, которые относятся к теме характера вообще. В данной главе предпринята попытка проанализировать основные философские взгляды, сопряжённые с феноменом характера. Данная проблема оказалась в центре внимания многих видных философов – Канта, Кьеркегора, Шпрангера, Фрейда, Адлера, Фромма, Юнга. С понятием «характера» связано изучение стабильных психологических черт человека. В существующих классификациях использованы разные базовые основания – особенности темпераментов, выбор ценностных ориентаций, опыт

⁸ Леонтьев Д.А., Никишов А.К. Характер // Психологический словарь. М., 2007.

детского психосексуального развития, способы приспособления к реальности. При изучении национального характера все эти классификации оказываются практически целесообразными.

Во второй главе «Философская экспертиза “национального характера”» отмечено, что понятие «национальный характер» стало использоваться в европейской философии со второй половины XVIII в. Под ним понимается совокупность относительно устойчивых, специфичных для данной национальной общности, навыков восприятия и осмысления окружающего мира и способов воздействия на него. Внутренний душевный склад того или иного человека может иметь национальные особенности. В европейской философии к этой теме проявили внимание столь видные западные философы, как И. Кант, Д. Юм, Г. Гегель, И.Г. Фихте. Кроме того, внесли свой вклад в разработку этой темы К. Гельвеций, И.Г. Гердер и другие мыслители. Почти одновременно появились труды, в которых тема национального характера рассматривалась как весьма актуальная. Она стала предметом исследования в отдельных главах книг, в частности специальной главы «Характер народа» в «Антропологии» Канта, главы под названием «Об изменениях, прошедших в характере народов и о выявивших их причинах» в работе «О человеке» Гельвеция, сочинении Юма «О национальных характерах».

Проблема национального характера в этнологии осмысливается в основном на эмпирической основе. Исследователи накапливают разносторонний материал, который характеризует психологические особенности национальной жизни. Это относится к работам таких видных учёных, как А. Кардинер, Р. Бенедикт, М. Мид. В их трудах национальный характер анализируется как совокупность устойчивых черт нации, закрепившихся в ходе исторического развития и отражающих специфику и дух нации, её менталитет, традиции и массовые эмоциональные переживания. Однако при этом сам вопрос о том, почему та или иная нация располагает этими свойствами, как правило, не ставится. Поэтому особую ценность приобретают философские работы Нового времени, Просвещения и романтизма, когда в разных ракурсах ставится проблема национальных различий, влияния географического фактора или особенностях политического процесса на общий облик нации, когда рождается идея национального государства и слово «культура» начинает использоваться во множественном числе. Такие мыслители, как Гердер и Фихте вынашивают идею особой этнической культуры, располагающей политическими правами и обретающей своё существование в форме национального государства. Национализм выступает как особый феномен, позволяющий адаптировать примордиальные ресурсы к новым вызовам современности. Национальный характер отражает не только мировоззренческую канву этнических общностей. Он также демонстрирует определённую «структуру чувства», т.е. формы совместных эмоциональных состояний.

В третьей главе «Антропологический аспект японской идентичности» анализируются возможности трансформации японской личности. Анализ философской и этнологической литературы по японскому характеру позволяет указать на базовую особенность данного феномена. Исследователи, японские и зарубежные, едины в одном: японский характер имеет качественное отличие от характера представителей других обществ мира. Огромную роль в трактовке японского характера играет своеобразный антропологический феномен – японская личность. При определении её исторических судеб обсуждается три варианта. Первый – возможности преобразования этой личности в духе европейского индивидуализма. Второй – сохранение групповой идентичности как уникального явления японской культуры. Третье – выдвижение японской личности в качестве некоего идеала, значимого для всего человечества.

В четвёртой главе «Опыт постижения американского национального характера» приводятся результаты западных исследователей о специфике данного феномена. Изучение обширной литературы об американском характере показывает прежде всего его устойчивость. Несмотря на изменение национального состава США, кризисные явления экономики и политики, американцы на протяжении многих десятилетий разделяют одни и те

же ценности. Среди них – уверенность в особой судьбе Америки, патриотизм, уверенность в непогрешимости американского образа жизни. Однако многие исследователи отмечают переживания подавленного страха, неуверенности в себе, анализируют также шизоидные черты американского характера.

В пятой главе «Исторические судьбы этноса» дан критический анализ современных концепций о распаде этнического сознания и возникновения новых форм массовой идентичности вне национальной компоненты. Чем обеспечивалась стабильность этноса на протяжении веков? Прежде всего, в этносе находил своё выражение «фактор крови». Общее происхождение, общие предки, общие традиции. Этнос обретал устойчивость благодаря кровнородственным отношениям, социальным устоям и непрерывности истории. Однако эти факторы оказались неспособными полностью обеспечить сохранность этноса. Эти социальные образования не смогли быть герметически закрытыми ареалами.

В главе показаны основные факторы, которые приводят к разрушению этносов: глобализация, безудержный и безответственный конструктивизм, проникновение в общественное сознание представлений о тотальной «нацификации», т.е. возникновении единой нации, что по сути дела устраняет саму этническую тему. В транскультурной перспективе обсуждается вопрос об эфемерности этноса как социального образования. Вместе с тем национальный фактор не утрачивает своей роли в современной политике. В противовес унифицирующей роли глобализации этносы и нации обращаются к конструктивистской практике, создавая новые идеологемы этнической живучести.

Общие выводы к четвёртой части

Философско-антропологическое толкование национального характера позволило дать развёрнутую характеристику этого феномена. Этнологи и культурные антропологи, обращаясь к этой теме, не принимали в расчёт длительную философскую традицию, в рамках которой рассматривался феномен характера. Они сразу искали этническую окраску и психологические особенности в любой социальной общности. В результате социальная сущность национального характера, разработанная философами в рамках темы «характера», не включалась в изучение данной проблемы. В результате трактовка национального характера в этнологии и социальной культурологии свелась в основном к фиксации многочисленных психологических черт и ценностных ориентаций отдельных этносов. Не получали освещения такие социально-философские темы, как происхождение национального характера, роль природных и социальных факторов в его существовании, соотношение национализма и национального характера. Толкование национального характера в этнологии и культурной антропологии, хотя и соотносилось с карнавальной стороной жизни, праздниками и обычаями, не выходило за пределы анализа ценностных ориентаций или ментальности этноса. Между тем феномен национального характера включает в себя не только умственное содержание, но и определённую структуру чувств. Скажем, экстатические карнавалы в странах Латинской Америки отличаются от традиционных праздников в США. Накоплена обширная литература, в рамках которой рассматриваются отдельные национальные характеры. Однако зачастую работа сводится лишь к систематизации ценностных ориентаций, в которых, как правило, отсутствует этнический фактор. «Национальное содержание» при этом не ухватывается. Авторы исследований получают эмпирический материал, в котором национальное растворено в социальном. В этой части диссертации показано, что исторические судьбы этносов сегодня осмысливаются по-разному. Сторонники рождающейся квантовой парадигмы убеждены: этнические различия исчезнут сразу, как только мир будет стремительно двигаться вперёд. Люди квантового мира вообще утратят современные критерии идентичности. Каждый индивид будет «выстраивать» собственную реальность, отличную от других миров. Возникнет новая «сплотка», совместное пребывание в мире атомизированных индивидов, которую теперь называют «нацификацией». Эта метафора отражает процесс растворения этносов. Однако в реальной действительности нации и этносы не спешат «раствориться». Более того, возникают новые, неожиданные формы сбережения национальных черт и традиций. Глобализация столкнулась

с новой ситуацией: отдельные этносы готовы включиться в мировой процесс, но только в качестве носителей новых конструктивистских образов.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, делаются краткие выводы, а также намечаются пути дальнейшей исследовательской работы.

В диссертации отмечено, что данное исследование является первой развернутой и систематизированной попыткой в посткантiansкой философии рассмотреть базовые характеристики этноса через призму философской антропологии. Это означает, что методологические принципы данного направления были распространены на изучение этноса, его специфики как социальной организации, отражения в нём человеческой природы, национального характера, исторических судеб этноса в транскультурной перспективе. Привлечение философской антропологии к постижению феноменологии этноса позволило в значительной степени расширить горизонт философской рефлексии об этнических проблемах в полном объёме, переосмыслить многие темы этнического знания. В свою очередь включение этноса в систему философско-антропологического знания позволило расширить базу самой философской антропологии. Философское постижение человека неизбежно сталкивается с первичной формой социального объединения, каким является этнос. Поэтому проблемы человека и этносы оказываются в философской антропологии предельно близкими. Названная тема явилась прологом к изучению человека и в других формах социального существования (народность, нация, суперэтнос). Таким образом, первое положение, вынесенное на защиту, обретает свою доказательность.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что имеются все основания рассматривать этнос как философско-антропологический феномен. Уже в рамках этнологии и культурной антропологии проблема этноса была связана с осмыслением человека. Стало быть, изучение человеческого поведения никогда не было исключительной привилегией только философской антропологии. Это относится также и к этносу. Необходимые сведения о человеке этнографы и антропологи получали эмпирическим путём. Эти виды культурно-антропологического знания, хотя и не претендовали на философскую глубину, имели несомненную ценность. После же возникновения философской антропологии появилась возможность сопоставить результаты конкретно-эмпирических и философских исследований и, таким образом, придать теме ещё большую объёмность.

В этнологии и культурной антропологии было подмечено, что человека надлежит изучать в связи с определённой культурой, а не с культурой вообще. Это означало, что изучение конкретного этноса, знакомство с ним всегда содействовало расширению общих взглядов на человека. Разумеется, культуры тоже преобразуются, утрачивая в ходе истории одни элементы и приобретая другие. Но ключ к постижению культуры специалисты усматривали в человеческом поведении. Реакция двух людей на определённое событие никогда не бывает одинаковой. Эта вариативность реакций позволяет уточнять понятие человеческой природы. Именно в рамках этнического сознания возникает первоначальная рефлексия об этом феномене.

Однако ни в этнологии, ни в культурной антропологии данное понятие не трактовалось как абстрактное в философском смысле. Оно по существу сводилось к бесконечному перечню привычных или неожиданных психологических состояний, уникальных обычаев и форм группового поведения. Разумеется, эти черты человека одной культуры сопоставлялись с обнаружениями другой культуры, но способы их систематизации не позволяли вывести или обозначить то общее, что вообще присуще человеку как особому роду сущего. Процесс выработки философского понятия «человеческая природа» подразумевал толкование множества фактов человеческого поведения и установление неких общих качеств человека, которые проявляются в каждой культуре, в каждом этносе и, строго говоря, не зависят от истории. Он предполагал также не только строгую классификацию человеческих качеств, но и обозначение самых значимых черт человека как особого рода сущего.

Поставив вопрос о возможности особого направления в системе философского знания, которое имело бы в качестве объекта изучения человека, Кант подошёл к созданию философской антропологии. В диссертации отмечено, что, разрабатывая систему категорий нового направления, Кант проявил интерес к этносу и национальному характеру. Таким образом, сама философская антропология включила в спектр своих важнейших вопросов этническое сознание. Кант не ограничился рассмотрением только этноса. В его трудах, как показано в диссертации, дан критический разбор также понятию «характер», «национальный характер», «нация».

В диссертации отмечено, что понятие «человеческой природы» у Канта получило принципиально новую трактовку. Во-первых, Кант показал, что в него входят не все культурные артефакты или психологические черты, особенности этнического поведения, а только те, которые обладают качеством всеобщности. Иначе говоря, они не утрачивают себя в процесс биологической эволюции и в ходе исторического процесса. К примеру, правило кормить ребёнка только тогда, когда он плачет, является этнографическим фактом, но не относится напрямую к человеческой природе. Это положение Канта возвышает его как мыслителя над этнологическими и антропологическими исследованиями и проводит различие между философским и прикладным пониманием человеческой природы.

Во-вторых, Кант показал, что вопрос о неизменности или изменчивости этноса имеет сложный характер. Исходя из темы человеческой природы, в диссертации рассмотрен был вопрос том, является ли этнос неизменяемым феноменом социальной организации или он постоянно преобразуется, утрачивая свои базовые черты? С одной стороны, эта социальная организация находится под влиянием природных и социальных изменений. Меняются условия жизни, соседство с другими этносами, межкультурные связи, политическая конъюнктура. Но тем не менее базовые основы этнического существования, по мнению Канта, не расшатываются, не исчезают.

В-третьих, пытаясь обозначить основные черты человеческой природы, Кант рассматривает земного человека глазами инопришельца. Если на других планетах существует разумная жизнь, то она, по определению Канта, должна обладать рациональностью, способностью к размышлению. Эта разумная жизнь, несомненно, также, по Канту, не может не иметь некие нравственные представления. Наконец, можно предположить, что у инопришельцев есть и определённые критерии, разделяющие прекрасное и безобразное.

Таким образом, доказано, что в философской антропологии Канта рассмотрены основные проблемы этноса: происхождение этносов, неизменность их основных черт, генезис и специфика национального характера.

Многообразное философско-антропологическое содержание имеет учение В. Гумбольдта о сравнительной антропологии. Немецкий философ называет этносы индивидуальными характерами. Так предметом рассмотрения оказываются отдельные этносы с их неповторимой индивидуализированностью, самобытностью. Каждый человек несёт на себе печать самобытности и неповторимости. Именно эта потребность раскрывает грани человеческого бытия, считал В. Гумбольдт, разрабатывая программу сравнительной антропологии. При изучении этносов немецкий философ предлагал особое внимание обратить на бездонную глубину внутреннего мира этнических образований. Размышление об этносе у В. Гумбольдта переходит в философско-антропологическую тему личности. Он рассуждает о том, в какой мере развитая индивидуальность должна нести на себе отпечаток своей нации и своей эпохи. В. Гумбольдт призывает к развитию философских оснований этнического бытия.

В диссертации утверждается, что Ж.-Ж. Руссо совершил подлинную революцию в этнологии. Но включённость его концепции в философскую антропологию обусловлена проработкой темы идентификации с другими народами. Отвергая европоцентристский стандарт, Руссо обращает внимание на возможность феноменологического опыта открыть свой мир в чужой культуре. Но он указал также на серьёзные трудности межэтнических

коммуникаций. Множество этих сюжетов нашли дальнейшее развитие в постмодернистском варианте философской антропологии.

В концепции К. Леви-Стросса содержится попытка переосмыслить ментальный фундамент европейской цивилизации с позиции первобытной логики с учётом её общечеловеческих ресурсов. «Дикарское» мышление оценивается им как образец более глубокой логической обоснованности. Леви-Стросс считал, что рекомбинация генов в истории этносов играет в принципе такую же роль, как перекомбинация элементов культуры – техники, различных верований, эволюционных форм человеческой жизни. Французский исследователь увлечённо изучает формы бессознательной жизни этнических образований.

В диссертации доказано, что концепция национализма в трактовке Н.А. Бердяева вырастает из его персоналистического учения. Только философско-антропологическая оптика позволяет показать внутреннее «сродство» между национализмом и космополитизмом. Чувство нации свойственно в глубинных основаниях космополиту. А космополитизм как умонастроение оказывается нелепым с антропологической точки зрения, если в нём произошла утрата национального чувства.

Таким образом, можно считать доказанным одно из главных положений диссертации: анализ взглядов таких видных европейских философов, как И. Кант, В. Гумбольдт, Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Стросс, Н.А. Бердяев, демонстрирует обширный арсенал идей, характеризующих этнос как философско-антропологический феномен. Можно сказать без преувеличения, что концептуальный вклад этих мыслителей в изучение этносов отнюдь не меньший, нежели результат многочисленных эмпирических исследований этнологов и культурных антропологов. Можно также утверждать, что многие идеи об этническом, представленные этими философами, не получили должного развития в современной философии.

Однако уже в этнологии проводилось различие между средним человеком и индивидом, который кристаллизует в себе значимые человеческие черты. При этом предполагалось, что каждый индивид является частью неповторимой комбинации социальных отношений сначала в семье, а потом и в других группах. Именно таким образом он приобретает свой неповторимый вариант общей культуры. Так, в этнологию и культурную антропологию входит представление о личности, в которой наиболее рельефно обозначаются свойства человека.

Сопоставление разных видов антропологического знания, проведённое в исследовании, поставило вопрос о социальной сущности человека. Культурные антропологи установили, что человек является социальным существом. Биологический индивид оказывается абстракцией. В таком виде, вне социальных качеств, данное существо не встречалось ни этнологам, ни антропологам. Исследователи этноса установили, что человек обретает личность в многообразии социального общения. Поэтому определяющим свойством личности считалась социализированность. Социальность действительно - важная характеристика феномена личности. Однако, с точки зрения философии, этот показатель не является единственным и универсальным. Философская антропология, как показывает наше исследование, раскрыла сложность отношений между личностью и обществом. На самом деле общество чаще всего ориентируется на среднего человека. Избыточность личностей в социуме рождает трудности управления. Общество прежде всего заинтересовано не оригинальности отдельного человека, а в его способности соблюдать нормы и стандарты.

В свою очередь личность, стремясь обрести наибольшую социализированность, в то же время нередко выходит за рамки установленных правил, обладает способностью видеть негативные стороны наличной социальной организации. В этом случае социализированный индивид нередко выступает против сложившегося уклада жизни, и таким образом разрушает наличный порядок, предустановленность поведения и готовность к общественному согласию. Тем не менее, сама постановка вопроса о соотношении индивида и общества явилась попыткой антропологов и этнологов перейти от простой регистрации культурных

феноменов и артефактов к осмыслению общих процессов существования этнического индивида.

В диссертации показано, что разработка темы личности в этнических исследованиях натолкнула на феномен массовидности людского поведения. В процессе исторического существования этносы переживали множество трудностей. Они были вынуждены адаптироваться к новым условиям, которые возникали в результате политических процессов. Вопрос о том, как сохранить себя в любых и неожиданных поворотах истории стимулировал постановку проблемы: является ли этнос объективным или фиктивным образованием. В первом случае выход из катастрофической ситуации был связан с опорой на традиции, на вековые устои этнического бытия. Во втором – этнос для выживания был вынужден опираться на социальное, уступая диктату социума некоторые этнические особенности и черты. Так, сложились теоретические представления о том, что этнос как таковой вообще не существует. Его стали характеризовать как «воображаемое общество».

В этой ситуации сложились и получили распространение идеи распада и исчезновения этноса. Они были подхвачены, как показано в работе, постмодернистами, убеждёнными в том, что именно социальное чреват хаотизацией людского бытия. В частности, Ж. Бодрийяр утверждал, что два последних века, направленные на усиленную социализацию людей, не получили должного результата. Такие темы, как «распад этноса», «смерть социального» вынесли на поверхность социальной философии вопрос о поиске «новой социальности». В этническом сознании сложилась контроверза примордиализма и конструктивизма.

В диссертации выявлены гносеологические и социальные корни идейных размежеваний между разными направлениями в изучении этноса. Сопоставление примордиализма и конструктивизма отражает, как показано в работе, не простую смену научных представлений об этносе. Именно так эта проблема трактуется во многих современных исследованиях. Однако мировоззренческая основа этих течений напрямую связана с трактовкой человеческой природы. Приверженцы примордиализма исходят из того, что человеческая природа на протяжении веков остаётся неизменной, отражающей базовые основы человеческого существования. Соответственно этнос характеризуется как устойчивое социальное образование, имеющее прочные устои, традиции и образ жизни.

При оценке этносов выдвигаются два критерия, по которым можно судить о стойкости этноса: стратегия выживания и критерии благополучной жизни.

В исследовании выражена позиция, которая не заметна в современной теоретической литературе об этносах. Нет оснований давать примордиализму лишь отрицательную оценку, учитывая прогрессистские иллюзии или испытывая не критическое отношение к конструктивизму. Многие исследователи характеризуют примордиализм как партикулярность, традиционную замкнутость и узость. Эти черты действительно присутствуют в примордиализме. Но нельзя также отрицать, что примордиальность хранит в себе многовековой опыт выживания, верности традиции, коллективной жизни. Кроме того, этнический опыт прошлого изучен крайне недостаточно. Французские исследователи, особенно постмодернисты, считают, что в жизненном укладе прежних этносов можно обнаружить традиции, которые имеют огромный сакральный смысл. В частности, Ж. Батай в течение многих десятилетий был занят поиском сакрального знания, которое могло бы преобразить облик гуманитарных наук.

Нет оснований, как показано в диссертации, восторженно относиться к конструктивизму как обнаружению современной научной парадигмы. Прежде всего, многие древние народности, в том числе евреи, персы, арабы, македоняне, римляне и китайцы конституировали себя под влиянием этноцентризма. Это можно считать выражением «преднационального» национализма. Элемент этнического воображения здесь был весьма значительным. В диссертации показано, что конструктивизм в этом смысле не новая затея.

Следует, стало быть, различать успешный опыт этнического конструирования как отражение реального исторического процесса. Б. Андерсон или Э. Геллнер в деталях раскрыли опыт социального воображения в формировании искусственных идентичностей,

которые не имеют ничего общего с историческим прошлым. Социальные мифы позволяют конституировать национальные сообщества. Однако исследовательская мысль не может видеть свою задачу только в том, чтобы описать варианты конструктивистского отображения истории. Политические вызовы настоятельно требуют трезвой оценки конструктивизма с точки зрения реальных целей истории. Здесь оказывается востребованным опыт демифологизации и деидеологизации многих воображаемых сообществ.

Методология философской антропологии позволяет прибегать к синтезу полярных экспертиз этноса. В американских этнических исследованиях такую роль выполняет, в частности Э. Смит. Он рассматривает этнические корни нации, не проводя жёсткой демаркации между этими двумя социальными образованиями. В современной литературе этнос и нация противопоставляются. Этнос трактуется как своеобразная этнологическая конструкция, которая сама по себе отражает культурное разнообразие мира. Нация тоже определяется как конструкция, но призванная обслуживать политические реалии. Таким образом, примордиалистский акцент по существу стирается. Получается, что этнокультурные группы и народы не имеют никакого отношения к нации. Обосновывается это тем, что социальные и исторические условия, в которых складываются этнокультурные группы и народы, радикально отличаются от тех, которые формируют нацию или точнее сказать, конструируют её.

В диссертации показано, что нация не имеет разрыва с органическим этносом. Его дух выражается символически. Нация не может выстраивать свой образ без этнического фундамента. Более того, она черпает в примордиальности мифы о происхождении, божественном предназначении, общей истории и кровном родстве. Поэтому этническая характеристика оказывается неотъемлемой частью конструкта нации. С точки зрения философской антропологии, этническое содержание располагается на уровне коллективного или социального бессознательного. В своих превращенных формах оно может обслуживать разного рода фобии и выражаться в опасных доктринальных образцах ксенофобии или шовинизма.

Тем не менее этническое сознание обладает известной самостоятельностью. Оно обусловлено моделью этноцентра (её создатель немецкий ученый В. Мюльман). Этнос при этом рассматривается как изначальная и простейшая форма социальной организации. Этнос центрируется целостным сознанием, в котором различные стороны жизненного уклада (хозяйство, семья, социальное устройство) пронизываются магией и религиозными представлениями. Эта сторона этнического бытия характеризуется через понятие сокровенности (заветность, тайность). Реальный мир подчиняется заветам морали. Цель сокровенности – предохранение этноса от разлада, хаотизации, неупорядоченности.

В диссертации дано развёрнутое и последовательное обоснование появлению понятия «этничности», которое в известном смысле выступило контрверзой этносу. Под ним подразумевается исторически сложившаяся на конкретной территории стойкая община людей, которые располагают прочными общими чертами, особенностями культуры и языка. Понятие «этничности» в своей логической аргументации оспаривает названное толкование этноса. Дело в том, что формирование этноса или нации предполагает, прежде всего, опору на социальные исторические факты. Этничность же характеризует спектр символов, метафор, мифов, связанных с этносом. Весь этот набор идеологием не имеет отношения к подлинной жизни этноса. Следовательно, он не укрепляет, а искажает реальную сущность этноса. Разумеется, в исторической практике трудно отделить фактические процессы от иллюзорных. Однако объективно понятие «этничности» служит не сохранению этноса, а его выдуманному статусу. Не исключено, что как раз широкое распространение понятия «этничности» в исторической практике и вызвало представление о постепенном растворении этносов в недрах социальной анонимности, в свою очередь, обречённой на гибель.

В диссертации дана разносторонняя экспертиза феномена «национального характера». Этнологи и культурные антропологи при анализе этого феномена использовали самые различные методологические подходы: биологические, аксиологические,

психоаналитические. Зачастую они связывали данный феномен с политическими процессами. Национальный характер в данном случае оказывался следствием конкретного политического режима, но не имел реальных содержательных характеристик. Нередко оценка национального характера сводилась к регистрации ценностных ориентаций, распространённых в той или иной стране. Наконец, экспертиза национального характера ограничивалась описанием празднеств, карнавалов и т.д. При этом этнологи и культурные антропологи игнорировали философские разработки, связанные, прежде всего, с понятием «характера» вообще. В диссертации доказано, что разбор этих аксиологических, психоаналитических концепций создаёт реальную мировоззренческую базу для осмысления и национального характера. Он может быть трактован как стойкая структура чувств. Принципиальная позиция соискателя заключается в том, что национальный характер выражает, прежде всего, комплекс эмоциональных состояний, чувственно окрашенных воззрений на мир, в которых находят претворение верования, интуитивные предчувствия, психологические защиты и механизмы. Национальный характер в диссертации раскрывается как совокупность устойчивых черт наций, которые получили закрепление в ходе исторического развития и отражают специфику и дух нации, её менталитет, традиции и массовые эмоциональные переживания.

В ходе исследования доказано, что весьма распространённые концепции о скорой утрате этнического сознания лишены доказательности. Разумеется, в ходе глобализации проверяется устойчивость этносов и возможностей их дальнейшего существования. Однако «растворение» этносов в ходе глобалистской унификации наталкивается на серьёзные трудности. Прежде всего, зафиксировано, что большое распространение получил антиглобализм. Диалектический парадокс заключается в том, что многие нации не хотят расставаться с историческими традициями, с неизменной стабильной структурой. Но в диссертации выявлена ещё одна тенденция, которая, судя по всему, выросла из конструктивистской паранойи. Расставаясь с некоторыми этническими особенностями, национальные образования приступают к производству новых воображаемых обществ. А потоке новых идентичностей, которые предлагают этносы, отстаивается право на изменчивость своего жизненного контекста, но одновременно выражает отказ от участия в плавильном котле глобализации. В данном ракурсе человеческое берёт на себя ту специфику, которой раньше обладали только этносы и нации, размещённые в составе человечества. Рождается множество конструктивистских образов, которые вносят в процесс глобализации парадоксальную коллажность.

Современные дискуссии об исторической судьбе этносов получают совсем иную аранжировку в свете так называемой квантовой парадигмы. Те закономерности, которые определяют поведение субатомных частиц, выражают становление новой научной парадигмы. Законы квантового мышления вторгаются в социальную философию и преобразуют саму проблему этнической перспективы. Сторонники данной парадигмы утверждают, что прежние социальные образования доживают свой век. Глобализация рождает новую специфику идентичности. Её можно назвать «нацификацией». Согласно квантовому мышлению все люди потеряют прежнюю маркированность. Они смогут создавать личные миры, автономные реальности. В свою очередь из потока новых анонимностей будут возникать новые консолидирующие процессы. Но они не будут учитывать национальные особенности.

Социальный аспект новой научной парадигмы, как показано в диссертации, требует более развёрнутой критической оценки со стороны современного общества. Квантовое мышление характеризует нестабильность как норму. Возникает вопрос: действительно ли человечество может одновременно катапультироваться в новую реальность? Возможно, есть передовые этносы, которые уже сроднились с квантовой парадигмой? Кому придётся догонять передовой отряд? Есть ли этносы, которые вообще окажутся на данный момент не способными к такой революции?

Таким образом, основные положения, вынесенные на защиту, получили в диссертации, как нам кажется, достаточную философскую экспертизу. Понятие «этнос» разносторонне проработаны с философско-антропологической точки зрения.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монография

1. Этнос как философско-антропологическая проблема. М.: Эдитус, 2015. 308 с.

Публикации в научных рецензируемых изданиях по перечню ВАК

1. Фундаментализм и обновленчество в религии // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 135-138.
2. Национализм versus космополитизм // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 78-83.
3. Этничность как антропологическая проблема // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 205-211.
4. Антропологический смысл социализации // Психология и психотехника. 2010. № 5(20). С. 30-44.
5. Ментальность как выражение этничности // Психология и психотехника. 2010. № 7(22). С. 18-27.
6. Этничность как проблема культурной антропологии // Психология и психотехника. 2010. № 12(27). С. 56-63.
7. Опыт постижения американского национального характера // Психология и психотехника. 2011. № 6(33). С. 80-92.
8. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Психология и психотехника. 2011. № 8(35). С. 69-91.
9. Психические расы. Опыт психологии и народов // Психология и психотехника. 2012. № 1(40). С. 63-72.
10. Этничность в контексте человеческой природы // Психология и психотехника. 2012. № 5(44). С. 7-16.
11. Учение В. Гумбольдта о сравнительной антропологии // Психология и психотехника. 2012. № 10(49). С. 9-17.
12. Культ духа // Психология и психотехника. 2013. № 7(58). С. 700-709. (В соавт.).
13. Антропологический аспект японской идентичности // Психология и психотехника. 2013. № 12(63). С. 1169-1178.
14. Этноантропологическая концепция Ж.-Ж. Руссо // Философия и культура. 2014. № 1(73). С. 123-132.
15. Структурная антропология К. Леви-Стросса // Психология и психотехника. 2014. № 8(71). С. 803-813.
16. Этнос и эволюционная концепция культуры // Психология и психотехника. 2015. № 4(79). С. 364-372.
17. Человек в трёх контекстах // Психология и психотехника. 2015. № 6(81). С. 551-559.

Другие публикации по теме диссертации:

1. Кризис современных концепций культурных цивилизаций // Философия и культура. 2008. № 2. С. 156-180.
2. Проблема культурной идентичности // Эдип. 2008. № 3(6). С. 61-76.
3. Этничность как актуальная проблема // Философия и культура. 2008. № 8. С. 66-89.
4. Национальный характер и национальные стереотипы // Философия и культура. 2008. № 10. С. 76-89.
5. Н.А. Бердяев о национальных страстях // Психология и психотехника. 2009. № 7(10). С. 72-78.

6. И. Кант об этничности как антропологической проблеме // *Философия и культура*. 2009. № 10(22). С. 65-71.
7. Этнические модели и их влияние на образование // *Высшее образование для XXI века: VI международная научная конференция*. Москва, 19-21 ноября 2009 г.: Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Вып. 2 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Изд-во МосГУ, 2009. С. 51-63.
8. Этничность как актуальная проблема // *Вестник аналитики*. 2010. № 4(42). С. 132-140.
9. Этничность как антропологическая проблема // *Высшее образование для XXI века: VII международная научная конференция*. Москва, 18-20 ноября 2010 г.: Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Вып. 3 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Изд-во МосГУ, 2010. С. 50-58.
10. Образование и будущее человека // *Педагогика и просвещение*. 2011. № 1. С. 26-36.
11. Судьба белого человека // *Вестник аналитики*. 2012. № 4(50). С. 145-154.
12. Барьеры мультикультурализма // *Вестник аналитики*. 2012. № 2. С. 133-140.
13. Этнос или этничность // *Педагогика и просвещение*. 2013. № 4(12). С. 368-375.
14. Основные характеристики личности японца // *Психолог*. 2013. № 9. С. 95-164. (URL: http://e-notabene.ru/psp/article_10693.html).
15. Почему этничность, а не этнос? // *Вестник аналитики*. 2014. № 2. С. 143-151.
16. Этнос: философско-антропологический дискурс // *Философская мысль*. 2015. № 2. С. 187-207. (URL: http://e-notabene.ru/fr/article_14670.html).
17. Этнос и человеческая природа // *Философская мысль*. 2015. № 7. С. 47-75. (URL: http://e-notabene.ru/fr/article_16254.html).
18. Этнос в контексте философско-антропологического знания // *Философская мысль*. 2015. № 9. С. 107-214. (URL: http://e-notabene.ru/fr/article_16659.html).